

Мария Голованивская
Фрунза. Набережная теней

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Голованивская М. К.

Фрунза. Набережная теней / М. К. Голованивская — «АСТ»,
2016

«...Говорят, здесь жил Каганович, многие совминовские, но на домах мемориальных досок почти нет. Говорят, что соседи здесь по привычке всё знают друг о друге – откуда, неизвестно. Видно, что не обитатели этого района определяют здесь скромное бытие, а сама Фрунза фарширует их, загоняя своей квадратной пятёй в те рамки, что и составляли мучительный для многих блеск прошедшей сталинской эпохи. Блеск развернутого вовнутрь мира, любующегося и одновременно ужасающегося своими потрохами...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Голованивская М. К., 2016
© АСТ, 2016

Мария Голованивская

Фрунза. Набережная теней

– Третья Фрунзенская, дом один? С тенью деда своего часто встречаешься?

Галина Долматовская – дочь того самого Евгения Долматовского, написавшего о любви, которая никогда не бывает без грусти, – охнула:

– Это же наш дом, и жили мы там много лет! Дед твой очень часто останавливался у нас.

Ну да. Детское назойливое воспоминание: мой дед Савва собирается в Москву из Киева и кричит в телефон (он всегда кричал, когда плохо слышал сам): «Женя, я завтра выезжаю, да-да, остановлюсь у вас, у Чуковских не хочу, там громко, к вам приеду на Фрунзу». Бабушка понять его не могла: снова на Фрунзу? Чуки на Старом Арбате, там же рядом, через Калининский, ЦДЛ, столько друзей вокруг, зачем опять к Долматовским? «Там как в сейфе, – парировал дед, – останешься цел и невредим. Без пьянок, гулянок и прочего столичного ажиотажа».

Этот особенный, наполненный густой и нескончаемой тенью покой пленил меня при первом же просмотре новой квартиры, в которой я так и не стала жить. Стоит пустая, наполняется пылью да тенями прошлого. Но на расстоянии я эту квартиру люблю, восхищаюсь: какая инфраструктура, какие парки – рай, сущий рай! «Тот еще рай, – оппонирует мне внутренний голос, – кущи номенклатурщиков, пущенных под нож истории. Застенок в виде простенка, крепость заточения, цемент, замешанный на страхе. И тех, кто внутри, и тех, кто снаружи». – Это странное место, – с нажимом сказала риелтор Лена, – но я знала, вы эту квартиру купите. Тут сам черт ногу сломит, – почему-то добавила она.

Ну да, лабиринт, коридоры и подсобки, от входной двери до двери квартирной пять замков и пять разных ключей, связка рвет подкладку. Про деда я, когда покупала, не вспомнила. Это был своеобразный фрунзенский бонус – подтекст, который тут мощнее и значимее того, что видят глаза.

Говорят, здесь жил Каганович, многие совминовские, но на домах мемориальных досок почти нет. Говорят, что соседи здесь по привычке всё знают друг о друге – откуда, неизвестно. Видно, что не обитатели этого района определяют здесь скромное бытие, а сама Фрунза фарширует их, загоняя своей квадратной пятёй в те рамки, что и составляли мучительный для многих блеск прошедшей сталинской эпохи. Блеск развернутого вовнутрь мира, любующегося и одновременно ужасающегося своими потрохами.

Фрунзу спроектировал сталинский росчерк пера – как жилищный рай для коммунистически незаменимых, но в быту скромных и непубличных людей. Здесь жили выслужившиеся кагэбэшники, переехавшие из коммуналок великие советские деятели культуры и «закрытые» ученые – две последние категории чаще встречались в Мозжинке и Переделкине, но на Фрунзе проходили их городские зимовки, напичканные комфортом и, что самое важное, возможностью уединения – за толстыми, почти полутораметровыми кирпичными стенами (мобильный телефон в квартирах почти не берет) спалось без снов. Фрунзенские дворы, каждый – своеобразный *Place des Voges*, яблоневые сады и пустая набережная с вылизанным парком на той стороне реки наполняли легкие чистейшим кислородом, а душу – гордостью за страну.

Всего в пятнадцати километрах от Кремля был построен этот «Город верных». Пожитки его обитателей – от маменькиных украшений до папенькиного исподнего – снесены теперь в многочисленные комиссионки-антикварные, которые и есть дымящееся, медленное, остывающее сердце Фрунзы, его угасающая суть.

Антикварки тут жирные, обильные, что называется, с душком. С тем самым старушечьим бельцом, от которого несет былым величием. Еще недавно легендарный фрунзенский антикварщик Василий Данилыч приторговывал старыми полотенцами, семейными фотоальбомами, из которых выглядывают сошедшие в Аид обитатели Фрунзы в расцвете лет с улыб-

кой счастья и превосходства на сытых лицах, таблетницами с аспирином конца пятидесятих, записными книжками с телефонами, врачебными инструментами (глазной набор с ручками из слоновой кости, гинекологический набор), письмами, детскими игрушками.

Съеденная, проглоченная, переваренная эпоха здесь все еще заунывно урчит в животе. Можно-можно, глотая слюнки, покопаться в еще не просохшем от неопрятной стирки белье тех самых совминовских времен, попримерять те самые кольца на пальцы и картины на стены. Но сделают это тоже свои или почти свои. Случайных людей на Фрунзе мало, тут не проходят никакие вульгарные маршруты, но кому надо, знают – здесь и нигде больше можно купить препотешнейший подарочек к именинам: генеральское галифе, гимнастерку, портсигар с дарственной надписью, совминовскую, с колосящимся гербом, папку для бумаг или пышное, хотя и изрядно поношенное жабо. Дно Леты. Последнее мерцание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.